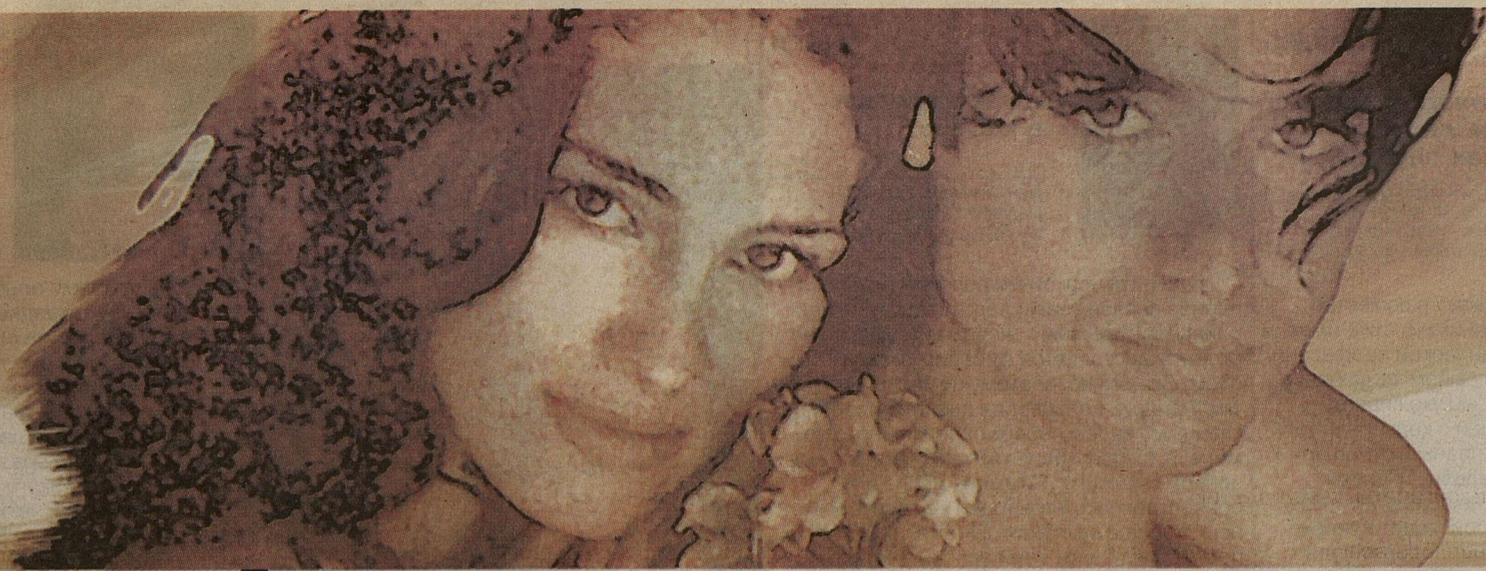

30.01.04 36 gzi

392

ЧТИВО

тариф на лунный свет

газета 2004-30 янв - с 36-39.

Ильдико фон Кюрти

фон Кюрти Ильдико

Издательство «Амфора» совместно с издательством «Ультракультура» готовит к выпуску на русском языке роман, неофициально названный «Дневник немецкой Бриджит Джонс». Автор «Тарифа на лунный свет» немецкая журналистка Ильдико фон Кюрти вела колонку в популярном журнале «Штерн», брала интервью у знаменитостей. Успех ее первого романа и работа над следующей книгой не отвлекли писательницу от журналистской деятельности. Роман, вошедший в моду, был на редкость удачно экранизирован в Германии режиссером Ральфом Хюттнером — с примечательной актрисой Грушенькой Стивенс в главной роли Кору Хюбш. Кстати, по-немецки слово «хюбш» означает «хорошенькая».

пер. с нем. В. Станковской.

17.12

Стопа есть почти неизведанная зона женских проблем. Вот фраза, достойная быть высеченной в камне.

Стопа есть почти неизведанная зона женских проблем.

Так могла бы начинаться статья в дамском журнале. Или в «Психологии сегодня». Или в чем-то подобном. Меня зовут Кора Хюбш; мне уже тридцать три года и три четверти, и я — одна из великого множества женщин, которые, дожив до серьезного возраста, так и не научились ладить с собственными ногами. На моих — пальцы кривые, как зубы во рту мальчишки, упрямо не желающего носить ортодонтическую скобу. В группе шейпинга, где я занимаюсь, есть одна, у которой пальцы ног такие короткие, будто их ей в детстве обрубил свалившийся сверху лист стекла. А моя подруга Йоханна — у той ступни, как у иных бедра: в лодочках, что она носит, могло бы спастись несколько пассажиров второго класса с «Титаника».

Я пытаюсь отвлечься. Напряженно разглядываю нелепое скопление пальцев на конце моего тела, чтобы не думать о чем-нибудь более страшном.

О том, например, что сегодня суббота. Хуже того, уже почти субботний вечер! А когда, собственно, этот самый вечер начинается? Допустим, кто-то говорит: «Я позвоню тебе в субботу вечером». Что конкретно он хочет сказать? Значит ли это: «Я позвоню около шести часов, чтобы спросить, могу я зайти за тобой в полдевятого и сводить тебя в самый дорогой итальянский ресторан?»

Или же это значит: «Я звякну часиков этак в 11, чтобы проверить, не та ли ты самая дамочка в возрасте сильнее за тридцать, которая в субботний вечер не придумала ничего лучше, чем дожидаться звонка от такого ловкого парня, как я, который от скуки разок позволил тебе затащить себя в койку?»

Стопа есть почти неизведанная зона женских проблем.

Так бы могла начинаться статья в дамском журнале. Или в «Психологии сегодня». Или в чем-то подобном. Нет, бесполезно. Эти скрюченные уродцы там внизу больше не спасают меня от комплекса неполноценности. Меня зовут Кора Хюбш; мне тридцать три года и три четверти, и я — одна из великого множества дам, которые, дожив до серьезного возраста, озабочены преимущественно одной проблемной зоной.

Подруги, давайте скажем как есть: самая-самая-самая проблемная женская зона называется — мужчина.

17.17

Неужели почти полшестого? Боже мой! Почему он не звонит? Почему в жизни женщины есть ситуации, которые всегда повторяются без изменений? Скажем, можно ли после однократной близости уже претендо-

вать на вечернее свидание? Этот вопрос до сих пор изучен совершенно недостаточно.

Кому-нибудь следовало бы взять на себя труд подсчитать, сколько лет своей жизни дама проводит в ожидании звонков от мужчин. Определенно пять. А то и десять. А тем временем она становится все старше и старше. Морщит лоб, наживает себе отвратительную морщину над переносицей. Съедает тонны белого шоколада с хрустящими хлопьями, арахисовых флипсов и тостов с ореховой пастой. Она губит фигуру и зубы, а вместе с ними и всякий реальный шанс услышать субботним вечером долгожданный звонок.

Нет! Пора прекратить это саморазрушительное само-ежество.

«Я привлекательна. Я желанная женщина. Я красива. Я желанная женщина. Я...»

Телефон!

Вот, пожалуйста, дело пошло!

17.22

Это Йоханна, которой нужно знать, звонил он уже или нет. Йоханна говорит, что основополагающее различие между мужчинами и женщинами состоит вовсе не в том, что мужчины — как принято считать — содержат в чистоте салон своего автомобиля и находят сокровенный смысл во всяких смертельно скучных фильмах.

Важнейшее отличие мужчин от женщин, говорит Йо, в том, что мужчины от женщин звонков не ждут. Мужчины вместо этого делают что-нибудь другое. Смотрят гонки, изобретают средство против СПИДа, назначают свидание какой-то блондинке, просматривают курсы акций во «Франкфуртер альгемайне», качают мускулы. И прочее в том же роде. А самое главное: они делают это не для того, чтобы отвлечься от ожидания. Нет, они делают это потому, что хотят это делать. При этом даже забывают, что они, собственно говоря, ждут. Вот почему никогда не берут трубку сразу после первого звонка, а их голос звучит всегда так, будто вы им помешали.

Я немного задумалась, осмысляя сказанное.

«Так и есть! — произнесла я, осознав вдруг, что после многих десятилетий слепоты глаза мои наконец-то открылись. — Так и есть! Все те часы, что мы провели, ожидая звонка от мужчин, потрачены впустую. Да что там часы! Дни, когда мы безудержно поглощали шоколадки и видеофильмы с Мег Райан — только бы не броситься... к нему прямо на следующий день. Все напрасно! Чего только мы не выстрадали, чтобы заставить страдать их. Мы думали, они будут ждать, а на деле их, может, и дома-то не было, и они даже не заметили, что мы не звоним!»

«Ты правильно все поняла, Кора. Невозможно заставить мужчину ждать. И если хочешь знать мое мнение, давно пора тебе употребить свое время на что-то более разумное, чем дожидаться, когда господин Хофман со-благоволит набрать твой номер».

Как же она права! Немедленно прекращаю ждать и делаю что-нибудь стоящее.

Я могла бы:

- а) заполнить налоговую декларацию;
- б) заполнить налоговую декларацию за позапрошлый год или
- в) использовать погожий летний вечер, чтобы убрать с балкона рождественскую елку и отнести ее в ближайший парк.

Все это мне надо спокойно обдумать за бокалом белого вина.

С д-ром мед. Даниэлем Хофманом я встретилась три недели и три дня назад при самых унижительных обстоятельствах — у вращающейся двери дамского туалета. Мы с Йоханной оказались на одном из тех банкетов, о которых на другой день после полудня сообщают все частные радиостанции в блоке светских новостей. Йо, между прочим, достаточно важная птица, чтобы получать приглашения на такие тусовки и даже брать с собой кого-то еще.

«Госпожа Йоханна Дагельзи плюс один» — значилось в списках, которые сверяли у входа стройные девушки в синих костюмах.

«Плюс один» — это я. Йоханна однажды меня так и представила какому-то дядечке: «Это госпожа Кора Плюс Один». Ей это показалось ужасно забавным, и весь вечер ее то и дело сотрясали приступы истерического смеха. Еще бы! Ведь, как я выяснила назавтра из «Эксклюзив — Стармэгэзин», этим дядечкой был не кто иной, как сам устроитель приема.

Но мне на это плевать. Я невысокого мнения о людях, которые ставят знак равенства между собой и своей должностью. Нет, я не из тех, чья самооценка зависит от занимаемого поста. Впрочем, допускаю, что все это потому, что никакого серьезного поста я как раз и не занимаю. Вот и рассуждаю здесь, как дамочка, что с пафосом рассказывала всем, как она соблюдает диету, но умалчивала, что в холодильнике у нее и без того шаром покати.

Когда меня спрашивают, всегда говорю, что я фотограф. И это действительно так. У меня даже есть постоянное место работы, чем в наше время могут похвастаться очень немногие фотографы. К сожалению, мой нынешний работодатель не дает развернуться моему таланту. Фотографирую шкафы-стенки и комплекты мягкой мебели для каталогов крупнейшей межрегиональной сети мебельных магазинов. Что делать, кто-то должен заниматься этим. Но почему именно я? А какая разница?! Не стоит лезть из кожи вон, пытаюсь раздражать Хайди Клум, и тем оправдывать свое земное существование. С меня довольно и мебели под ТВ-видео со встроенным мини-баром.

Как бы то ни было, мы с Йо здорово повеселились. С самого полудня до вечера занимались тем, что выта-

скивали из шкафа Йо всякие дорогие тряпки и носились по ее длиннющему (не меньше километра) коридору, как по беговой дорожке. Заодно мы опустошили бутылку шампанского и бесконечное число раз слушали Донну Саммер.

I'm looking for some hot stuff, Baby, this ev'ning, I need some hot stuff, Baby, tonight.

Когда выходишь в свет, самое приятное — это приготовление. Радостное предвкушение, ребяческое и нелепое.

Примерить сережки.

Наложить тени, которые искрятся над глазами как блески.

Наконец — то позволить себе темно-красную помаду.

Влезать в юбки, которые так коротки, что любому мужчине покажется, будто за ночь, проведенную со мной, он должен заплатить.

Наносить макияж, гасить сигареты в умывальнике.

Кайф!

Я хочу, чтобы так оставалось всегда. Даже если через 20 лет это будет уже не Rouge pour les levres, а грим для старых морщинистых губ, а вместо воздушных шелков мы будем носить поддерживающие чулки, непроницаемые для взгляда. Все равно. Это кайф!

Когда около восьми мы с Йо сели в такси, то чувствовали себя как четырнадцатилетние — и вели себя так же. Йо рассказывала водителю неприличные анекдоты, а я, сидя на заднем сиденье, замазывала черной ваксой щербинку на моем высоченном каблуке. По-моему, я выглядела сногшибательно. Йо одолжила мне свое платье-футляр цвета ночного неба; оно великолепно камуфлировало мои проблемные зоны и подчеркивало достоинства.

Это, конечно, довольно печально, но спереди я выгляжу почти так же, как сзади. Это значит, что у меня довольно упругий, круглый зад — и менее упругий, но такой же круглый живот. Мои груди едва различимы и расположены далеко друг от друга. Глядя на одну, я тут же теряю из виду другую. Но — спасибо вандер-бра! — когда этим вечером я заглянула себе в декольте, то увидела глубокую многообещающую ложбинку. Ах, какой я была тогда радостной, какой чувственной!

I need some hot stuff, Baby, tonight!

Когда мы с Йо летели по красному ковру ко входу, я ловила на себе оценивающие мужские взгляды. Я улыбалась любезно, но вид хранила неприступный.

Улыбаться я перестала, когда обнаружила, что следом за мною идет Вероника Феррес. Никогда не понимала, что в ней такого находят мужчины. Выглядит как сплюснутый пончик, да и ее актерские таланты сильно переоценены. Йо посоветовала мне не портить себе настроение. Я послушалась.

Банкет был великолепный, если не считать скучного до зевоты трехчасового вручения кинопремий вначале. Сперва я еще волновалась, трепетала всякий раз, как оглашалось имя победителя, и глотала слезы, слушая слова благодарности. Потом это достало. Время от времени становилось противно просто до невозможности.

— Когда это показывают по телевизору, то сокращают раза в четыре, — шепнула мне Йо, пока один документалист из Галле, упомянув съёмочную бригаду («без которой эта удивительная работа не могла бы осуществиться ля-ля-ля, так что премия заслужена не одним только мной ля-ля-ля»), рассыпался в благодарностях.

— Ну так посмотрим эту белиберду в другой раз по телевизору, — прошептала я в ответ. Понимаю, с моей стороны это было неблагодарностью, ведь, в конце концов, я — всего только «плюс», но меня мучали голод и кислая отрыжка от избытка шампанского на пустой желудок.

— Можно мне пройти в туалет? Или я попаду в кадр? — спросила я у Йо.

— Иди скорей. Они только что закончили.

По узкому проходу, спотыкаясь, я поплелась в направлении выхода, ловя на себе осуждающие взгляды Тили Швайгера, Сенты Бергер и Марио Адорфа. При этом последний, как мне показалось, смотрел довольно тоскливо. Похоже, бедняге тоже хотелось в уборную, но сначала ему надо было получить еще один приз. Снаружи в роскошно декорированном фойе (световые гирлянды! — обожаю световые гирлянды!) мое настроение резко подскочило.

Около двадцати трех тысяч официантов были заняты созданием буфета. Омары! Лангусти! Лосось-карпаччо! Вителло-тоннато! Жаркое из кусков говядины размером с мое бедро! Овощные салаты! Шоколадный мусс!

У меня слюнки текли, пока мимо ломящегося стола я продвигалась к дамскому туалету. Толкнув вращающуюся дверь, я очутилась еще в одном неопишимо нарядном дворце. Повсюду зеркала, повсюду мрамор. Около фарфоровой раковины висела совсем не безобидная сушилка-автомат для рук, которая кожу обжи-

гает, но не сушит, так что первый же, кому после такой процедуры вы дружески пожмете руку, подумает, не экскрементами ли вы его запачкали. Тут же наготове аккуратной стопкой были сложены маленькие махровые полотенца, очень белые и свежие.

И рядом с этой белой стопкой сидела сморщенная старушонка-смотрительница, устремив на меня взгляд, полный надежды.

О нет, это совсем ни к чему! Стоит мне только представить себе, что кто-то может подслушать, как я писаю, то сразу возникают проблемы. Вот вечная загадка: каким образом мужчины ухитряются мочиться, стоя рядом друг с другом? Как они это делают? Разговаривают ли между делом? О чем? А что бывает, если рядом облегчается шеф? Задержка мочи? Обсуждение зарплат?

Я как-то встретила нашего главного дизайнера в сауне. Что за мучение! Мало того что от него потом несло за версту, так он еще и сидел рядом со мной...

«Мне кажется, что людям, занимающим определенное положение в обществе, не следует ходить в общественных бани», — сказала я. Это было глупо, понимаю. Но, право же, это первое, что приходит на ум, если сказать больше нечего.

Итак, маленькая клозетная старушка дружелюбно взглянула на меня, и мой мочевой пузырь немедленно забастовал. Оставалось только сделать вид, будто я просто зашла вымыть руки.

— Мне, собственно, только руки помыть, — сказала я бодро. — Тут ведь есть горячая вода?

Старушка благосклонно кивнула. А поскольку я была ужасно рада встретить хоть одного нормального человека в этом дурдоме для знаменитостей, да и вообще меня так и тянет к рабочему классу (однажды даже с электриком переспала), мы с ней еще поболтали немного.

Тут я узнала кое-что любопытное о туалетных привычках мужчин и женщин. Дамы, как ни удивительно, менее опрятны, зато более придирчивы, чем мужчины. Так, если даму стошнило, то создается впечатление, что она считает виновной в этом лично клозетную работницу и обходится с ней соответственно. Для мужчин же туалет — скорее место разрядки. Здесь они вполне могут быть самими собой. Они щедро дают на чай и только перед самым выходом наружу вновь напускают на себя свой обычный псевдозначительный вид.

Как в замедленной съемке, омар — дорогой, но мертвый — приземлился точно в появившееся из двери декольте, сразу под аквамариновым колье. Закуски разместились на темно-красном платье от Хельмута Ланга и босоножках от Prada...

Но тут меня обожгла мысль, что сумочку я оставила на столе, а значит, мелочи у меня с собой нет. Ну и ну! Как выйти из положения? Она непременно подумает обо мне плохо: «Сперва зубы заговорит, а потом и описается от жадности».

В отчаянии я продолжала болтать.

— Вы уже пробовали что-нибудь там, в зале? — спросила я. — Наверное, пока дают премии, обслуживающий персонал может воспользоваться буфетом?

— Ах нет, — сказала она. — Я принесла с собой бутерброды. К буфету нам подходить нельзя.

Что? Как? Почему? Бедная старушка сидит тут на своей табуретке в этом мраморном сортире, подтирает за знаменитостями и не имеет даже несчастной клешни от омара?

Мое социальное сознание взбунтовалось. Что бы сказал об этом Маркс? Не представляю, Маркса никогда не читала, зато слышана достаточно и уверена, что, узнай он об этом, волос за волосом выдрал бы всю свою седую бороду.

— Знаете что, — воскликнула я воинственно, — я сейчас принесу вам оттуда поесть! Что вы желаете? Омаров? Вителло-тоннато? Карпаччо?

Она взглянула на меня немного растерянно.

— Ох, может быть, всего понемножку?

Я бросилась наружу. Я, борец за права угнетенных, спасительница бедняков. Жанна д'Арк туалетных смотрительниц! Долой капитал! Мы — народ!

Раздача премий только что закончилась, и первые капиталисты, толкаясь, уже пробивались к буфету. Но я была проворней. Схватила большую тарелку и с быстротой ветра наложив туда лучшее из лучшего. Хотя я и была в семье единственным ребенком, но отец мой отличался незаурядным аппетитом, так что я рано научилась бороться за выживание и в считанные секунды примечать и ухватывать самый большой кусок

жаркого. Поверх кучи съестного в моей тарелке я поместила омара как красноречивый символ разложения господствующего класса.

Дорогого, но — мертвого.

Я понесла переполненную тарелку через сгущающуюся толпу темных костюмов и роскошных вечерних платьев, проворно балансируя и неизменно держа курс на вращающуюся дверь в глубине зала. Я не заметила, как Уши Глас шушукалась с Ирис Бербен. Не увидела и как Марио Адорф с видом облегчения исчез в мужском туалете. Я видела только табличку «Дамы», а за ней, перед моим внутренним взором, клозетную бабушку с бутербродами в сумке.

Но за два метра до входа в туалет жизнь моя круто переменялась.

Уголкем глаза я заметила, как от людской массы отделился темный костюм. Одетый в него мужчина сделал два-три шага назад и вдруг резко повернулся.

Тут я увидела омара, летящего в сопровождении порции черной икры величине с картофелину и нескольких кусков ростбифа. И вся эта эскадрилья смерти обрушилась на вращающуюся дверь с надписью «Дамы», которая именно в этот момент и распахнулась.

Как в замедленной съемке, омар — дорогой, но мертвый — приземлился точно в появившееся из двери декольте, сразу под аквамариновым колье. Закуски разместились на темно-красном платье от Хельмута Ланга и босоножках от Prada... Два часа назад их хозяйка получила премию за лучшую главную женскую роль. Сама я лежала на мужчине. Я глядела в его глаза, расширенные от ужаса и боли, ведь я, когда падала, несомненно, врезалась ему в промежность. И это была моя первая встреча с половыми органами доктора Даниэля Хофмана.

Пережив секунду ужаса, главная женская роль скрылась в туалете. Там она заперлась в кабинке и, как я узнала на другой день из газетных сообщений, не вывалилась оттуда весь вечер. Лишь около полуночи, завернувшись, как сообщили, в белую скатерть, она покинула место действия через черный ход.

А пока я ценю неимоверных усилий пыталась слезть с судорожно извивавшегося подо мной господина, клозетная старушка была уже тут как тут, чтобы убрать с пола буфетные дары.

Мы перекинулись взглядами.

Полными понимания. Благодарности. Отчаяния. Мужчина между тем с трудом поднялся на ноги. Он держался обеими руками за свои гениталии, уставившись на меня так, будто я — само воплощение зла. Я совершенно не знала, что сказать.

Тем временем нас уже окружили официанты, фотографии и любопытные гости. Рыжеволосая женщина, которая выглядела как не по годам развившаяся девочка-подросток, проложила себе дорогу через толпу и, бросив на меня уничтожающий взгляд, тут же запричитала над потерпевшим.

— Дани, золотце! — закричала она пронзительным голосом. — Что тут стряслось?

Снова злой взгляд в мою сторону.

— Уже все в порядке, — пролепетал Дани-золотце. — Жизнедеятельность восстановлена.

Он стоял скрючившись и выглядел совершенно несчастным. Одну руку он по-прежнему прижимал к промежности, другой же искал опору на чуть загорелой руке рыжеволосой.

— Дай посмотреть, мой бедный, мое золотце, — простонала она и принялась возиться с его застужкой-молнией.

— Убери руку, черт побери, — зашипел Дани-золотце.

— Ну! Вы видите, что натворили, вы, безмозглая королева! — бросила дама в мою сторону.

Думаю, что в моменты крайнего напряжения непременно проявляется подлинный характер человека. Памятуя об этом, я попыталась свой подлинный характер скрыть и, проглотив горечь обиды, наказать даму пренебрежением. В конце концов, дело тут не во мне и не в ней, но в бедном человеке, который страдает не только от ранения в пах, но и от бестактности своей вульгарной подруги.

Я робко шагнула в их сторону.

— Я очень сожалею, — промямлила я. — Вам, может быть, нужен врач?

— Врач? Врач?

Дама свернула на меня такими недвусмысленно зелеными глазами, что никаких сомнений не осталось: это — цветные контактные линзы. Чучело, подумала я, и воинственно выпятила свои груди. Какая удача, что сегодня у меня было что выпятить. В такие моменты это существенно прибавляет женщине авторитета.

— Он сам врач. А вот кто вам нужен, так это адвокат. И очень хороший!

— Пойдем, Кармен, не устраивай сцен. Уже все в порядке. Она же не нарочно, — бормотал Дани-золотце умиротворяюще.

Кармен? Кармен? Ну как тут не смеяться! Это же точно не настоящее ее имя! Наверное, эта фря меняет себе имена всякий раз, как заново красит волосы поликолором...

Черные волосы: «Меня зовут Верона».

Светлые волосы: «Меня все называют Клоодия».

Здесь я бы охотно ввернула что-нибудь остроумное, изысканное. Например: «Мне кажется, вы уже вышли из берегов, уважаемая канавка» (запала фразочка из какого-то спектакля). Но в нужный момент подходящую фразу не вспомнишь. Так чаще всего и бывает. Когда шеф несет всякую чушь, в ответ я обычно лепечу только: «Э-э, а, гм...» И уж точно не прослыть мне интеллектуалкой, вздумай я на следующий день вдруг ему позвонить и с вызовом бросить блестящий ответ.

Итак, я сказала:

— Э-э, а, гм...

Но у дамочки уже тормоза отказали:

— Что значит «не нарочно»?

Теперь фройляйн Кармен накинута на своего ненаглядного:

— Да она чуть тебя не убила! Или еще того хуже!

К счастью, в этот момент вынырнула Йо. Она в считанные секунды оценила ситуацию и, крепко схватив меня за руку, прошептала:

— Пошли! Надо отсюда смываться.

Так мы и сделали. Мы поспешили в гардероб, схватили свои пальто, и уже у выхода я бросила последний взгляд на Дани-золотце с его поддельной Кармен.

Жадно ухватив его под руку, она повисла на нем, а он говорил ей что-то утешительное. И тут поверх ее молочного-белых плеч наши взгляды встретились. От этой встречи осталась некая смесь веселости, презрения и чего-то еще, я бы сказала, чего-то особенного. Во всяком случае, тогда я впервые заметила, какие у него чудесные глаза.

17.47

Я осмотрела свою рождественскую елку и пришла к выводу, что, пока светло, таскать ее по улицам никак нельзя. Для прохожих я стану посмешищем, а в парке меня в любой момент могут заметить и арестовать за недозволенное выбрасывание мусора. Оказаться же там в темное время суток — б-р-р, даже страшно подумать. Разве что погулять тихой ночью, рука в руке... О-о, стоп. Вид рождественской елки настроил меня на задумчивый лад. Ведь снова пора звонить маме. А почти уже голый елочный остов напомнил мне о последнем романе. Эту елку в своем серебристом «Мерседесе-2,0» — или как его там — привез Саша, и, надо заметить, клейкие пятна смолы, оставшиеся на спинках сидений, порядком его рассердили.

Саша — педант, признаем это со всей откровенностью. Но и без того мы с ним совершенно разные. Вероятно,

это выглядело почти трогательно, когда на нашем первом randevу мы изо всех сил пытались найти между собой хоть что-нибудь общее.

Саша заговорил со мной в сауне, потому что мою татуировку на бедре принял за специально прилепленный ценник. И пошло-поехало... Когда люди знакомятся голыми, то всегда малость стесняются. Но у него был приятный голос, приветливый взгляд и самый упругий зад, какой я когда-либо видела, — так что я позволила ему пригласить меня в ресторан.

Первый вечер мы еще были на вы, что казалось мне даже весьма романтичным. На Саше были никелированные очки; он выглядел очень умным — и таким, как выяснилось, на самом деле, к сожалению, и оказался.

— Что сейчас лежит на вашем ночном столике? — спросил он меня для начала.

Я остолбенела. Что имеет в виду этот человек? Я представила себе мой ночной столик таким, каким оставила его сегодня утром, через полчаса после того, как я, собственно говоря, должна была уже находиться в бюро.

Прежде всего там лежит мой отшелушивающий крем. Если его намазать и оставить на ночь, то наутро будет очень легко снять с подошв ороговевшую кожу. Рядом сидит мой матерчатый заяц, которого я получила ко дню рождения примерно 150 тысяч лет назад. Чуть поодаль, на нескольких бракованных фотографиях шкафа-стенки, стоит почти полная пепельница, затем — стакан, к которому прочно присохли остатки красного вина, и упаковка драже зверобоя для укрепления нервов.

Когда я заглянула в умные, полные чувства и эстетической отзывчивости Сашины глаза, я поняла, что на первый раз лучше ему об этом не рассказывать.

Он, конечно, был не из тех, кто при виде женских бедер готов разразиться похабным смехом, а при первом знакомстве с пальцами моих ног — удрать в туалет. Но столкнуться лицом к лицу с кучей романов Розамунды Пильхен, да еще и в твердой обложке, или со светящимся резиновым медвежонком в ногах моей кровати, а то и с блоком «Голуаз лежер» около ванны?

Нет. Столько суровой правды никому в первую ночь не осилить. Это вроде того, как при первом свидании признаться мужчине, что все время проигрываешь в «Тривиал персьют», а на вопрос «Какой остров самый большой в Средиземном море?» ответить: «Австралия». Не то чтобы со мной такое случалось. Это я только так, для сравнения.

— Ох, — сказала я, чтобы отвлечь внимание, — так, всякое. А вот на вашем — то что лежит?

Вопросы, на которые не хочется отвечать, всегда целесообразно переадресовать тому, кто их задает.

— А на моем сейчас лежит «Христианство при тоталитарных режимах». Это воистину поучительная и достойная книга.

Я важно кивнула. По-моему, квартира может очень много рассказать о своих обитателях. Я читаю квартиры как биографии.

Что, например, говорит нам километровая стойка с пластинками рядом с креслом в стиле «василий»?

А вот что: «Я люблю поспорить, читал Фуко и готов отнестись с пониманием, если вместо любовного влечения ты почувствуешь головную боль. Раз в неделю я играю в сквош, а когда онанирую, думаю про Ирис Бербен, хотя ни за что бы в этом не признался; люблю больше жизни мои старые диски с записями группы «Ти-Рекс», и хотя ничего против доброго шампанского не имею, но хорошо знаю, каково это — залить дозу бакарди-колы в глотку, осипшую от выкриков «Хо-Хо-Хо Шли Мин!».

Что говорит нам полка «билли» из ИКЕА, полный комплект сочинений Карла Мая, компьютер высотой в человеческий рост, окруженный миллионами дискет?

А вот что: «Я люблю свою мать, по крайней мере так себе внушаю, анальные контакты считаю извращением, а волосатые плечи — эротичными. Интернет — мой дом родной, я бы охотно провел ночь с Юле Найгель и не имею ничего против того, чтобы моя будущая жена носила колготки телесного цвета».

Конечно, такие квартиры по крайней мере честно обставлены. Хуже с теми, которые пытаются что-то скрыть.

Под благороднейшим ковровым покрытием может прятаться дурной характер. За фарфором с ручной росписью — деспотичная мать, а под набитыми пухом матрасами — скряга. Самые отвратительные мачо охотно маскируют свое женоненавистничество, выставляя в ванной комнате тампоны разной величины для гостей-женщин.

А плакат в рамке из Музея современного искусства может сказать внимательной женщине только одно: «Мой хозяин — горемыка: у него болезненный страх перед полетами на самолете, он еще ни разу не был в Нью-Йорке, считает Пикассо ансамблем последователей группы *Tic Tac Toe*, а самого себя — сексуальным гигантом».

К сожалению, моя квартира обставлена вполне честно. Поэтому каждый раз я тщательно обдумываю, кого к себе приглашать, а кого нет. Открыть дверь, пустить

кого-то в дом — это все равно что раздеться. Мало-помалу правда выйдет на свет. И вместе с бюстгальтером типа «вперед и вверх», колготками «чудо-попка», джинсами выгодного для фигуры покроя безнадежно рассеется тот образ, который мне хотелось бы оставить в памяти заинтересовавшегося мною мужчины. В моей квартире я всегда обнажена.

Мое напряженное молчание стало для Саши стимулом к серьезному разговору о литературе.

— Какую книгу Дона Делилло вы считаете лучшей?

Он взглянул на меня дружелюбно и сразу напомнил мне нашего учителя Закона Божьего на выпускном экзамене. Дон Делилло? Дон Делилло? Проклятье! Что мне говорит это имя?

— А-а! Я в восторге от его романа «Исподнее», — воскликнула я с облегчением. Бросилось недавно в глаза на какой-то витрине. Ура! Хвала моей памяти!

Теперь, мне казалось, лед сломан. А на следующий день, когда я получила возможность лично познакомиться с ночным столиком Саши, он тактично промолчал, и за это я его до сих пор уважаю. Книга проклятого Делилло лежала прямо у настольной лампы. Называлась она «Преисподняя». Вот так. Если хочешь, можешь прикидываться более грамотным, чем ты есть на самом деле, но рано или поздно правда все равно откроется. В моем случае — лучше уж раньше.

Весь первый вечер мы непринужденно поболтали — вернее, Саша болтал, а я слушала. Я задавала много вопросов, лишь бы снова не попасть впросак и не отвечать самой. Он же чувствовал себя лучше некуда. Мужчинам вообще нравятся женщины, рядом с которыми они кажутся интересными самим себе. И тогда они сочат умной любовью — только бы она слушала их.

Чтобы надолго оставить о себе хорошее впечатление, при первом свидании надо через равные промежутки времени произносить только две фразы:

1. Расскажите об этом побольше, мне это так интересно.

2. Ах, я и не знала.

В тот вечер я не повела Сашу к себе и не пошла к нему. Мы это сделали прямо на месте, в мужском туалете. Мы знали, что предназначены друг для друга, ибо после трудных поисков открыли нечто, общее нам обоим. Ни Саша, ни я, как выяснилось в наш первый вечер, терпеть не могли лимонное мороженое. И мы сочли это за многообещающее начало.

17.53

Д-р Даниэль Хофман, сейчас я тебе позвоню. Что же это я, в конце концов, делаю из себя последнюю идиотку? Пялюсь на телефон, вожусь со старыми рождественскими елками и потерпевшими крах любовными отношениями.

Боже мой, как низко я пала! Если сейчас я ему позвоню, он будет думать, что я им интересуюсь. Ведь даже ребенок знает, что так можно спугнуть любого мужчину. В страхе они тут же прячутся, как улитка в свой домик, так что приманить их опять можно только лишь долгим и терпеливым пренебрежением и третированием.

С другой стороны, мне тридцать три года, и я на современном лад эмансипированна.

Это значит: хоть я и не знаю, как подключать декодер к телевизору, но в состоянии оплатить работу телемастера. Это значит: на занятиях по самообороне я освоила прием «стальной зажим», домой могу возвращаться одна.

Это значит: я способна самостоятельно поджарить филе и держать свою нору в тепле.

И это прямо подводит меня к мысли, которую я как-то вычитала в одной умной книге и с тех пор часто цитирую: «Вот уже по меньшей мере сто лет, как в мире отсутствует мотивация для того, чтобы быть женщиной». Но тогда, может быть, кто-нибудь мне объяснит, отчего я уже два часа жду звонка от субъекта, к существованию которого нет вообще никакой мотивации?

Что ж, теперь буду вести себя согласно железному правилу, предписанному в таких случаях: если ты хочешь ему позвонить, в любом случае сначала звони своей лучшей подруге. И если она действительно твоя лучшая подруга, она скажет: «Не звони ему». И если ты действительно ее лучшая подруга, ты скажешь: «О'кей» — и примешься читать хорошую книгу. Так вот и выясняется, какие подруги и какие книги — хорошие.

17.55

Йоханны нет дома. Я оставила ей сообщение с настоящей просьбой перезвонить. Теперь чувствую себя гораздо спокойней и намерена покончить с этим глупым ожиданием.

17.57

Я поняла, почему он не звонит. Я слишком толстая. Я очень несчастна.

17.58

Сжигание жира. В сущности, это единственный честный ответ, который можно дать.

Вообразим себе картинку: в каком-то филистерском ресторане, где салфетки накрахмалены так жестко, что их можно использовать вместо подставок под горячее, ты встречаешься с таким полным мужчиной лет под шестьдесят.

И этот отвратительный карлик — не кто иной, как мега-, суперменеджер той самой безумно престижной фирмы, в которой тебе очень хотелось бы работать. Он может оказаться твоим будущим шефом, и, естественно, ему нужна сотрудница, которая не только компетентна в своей области, но имеет еще и другие интересы.

В какой-то момент, глядя на тебя с видом «ну-ка-покажите-мне-на-что-еще-кроме-этого-вы-способны», он непременно начнет расспрашивать тебя о твоих хобби. «А что вы делаете в свободное время?»

Если ты умна, то скажешь:

«Я очень интересуюсь американской деконструктивистской литературой. Помимо этого я охотно посещаю культурные столицы Европы. Вы видели эту потрясающую провокативную выставку Дамиена Хёрста в Лондоне? Это нечто! Ну а если вечером я остаюсь дома, то — должна честно признаться — охотнее всего смотрю чешские авангардные фильмы по ARTE. Это позволяет прекрасно расслабиться».

Если ты честна, то скажешь:

«Сжигание жира. Мое главное хобби — сжигание жира. Ведь я не принадлежу ни к 0,8 процента женщин, которые могут есть все, что хотят, и притом на вечеринках цеголяют своим недovesом, ни к 4,3 процента скелетов, которые за день съедают половинку киви и уверяют, что сыты. Я ем охотно. Я ем много. Люблю феттучини в сливочном соусе, шоколадные конфеты, чипсы и бифштекс с жирком. А потому в свое скудно отмеренное свободное время охотнее всего захожу в фитнес-клуб. Да, я принадлежу к тем потеющим идиоткам, которые битый час карабкаются по воображаемой лестнице на тренажере. Которые изнуряют

Случалось ли, чтобы во время примерки, натянув до половины платье мини без молнии, она застревала в нем и была вынуждена просить о помощи продавщицу? Или чтобы когда-нибудь после секса по пути в туалет она повязывала на бедра покрывало?

себя шейпингом. Которые, заслышав клич *I will survive!*, принимают качать свои сгибающиеся и разгибающиеся мышцы. На бегущей дорожке я уже отмотала такое количество километров, которое сопоставимо с вашим годовым окладом. Вы интересуетесь моим свободным временем? Бывает время — я полною. Бывает время — я худею. Свободного времени у меня не бывает».

Как-то в ходе одного такого собеседования Йо спросила своего толстопузого менеджера, когда тот в последний раз видел собственный член. Нет нужды говорить, что вакансия досталась даме, которая с тех пор, всякий раз как ее необъятный шеф отправляет жену с детишками в Швейцарию, до крови царапает его колоссальное брюхо своими выпирающими тазовыми костями.

Я просто теряюсь. В одном журнале, который мог бы называться «44-й размер — ни шагу дальше!», я прочитала нечто ужасное о Клаудии Шиффер: она весит 56 кг! И это при том, что она на 12 сантиметров выше меня!

Зато, надо надеяться, у нее плохой характер и безрадостная жизнь. Это жалкое существование на чемоданах! Сегодня Майами, завтра Париж, послезавтра Сидней. Нет уж, пусть сама живет.

Часто ли приходилось Клаудии ждать звонков? Можно ли вообще просто так взять и позвонить Клаудии?

Носилась ли она когда-нибудь с мыслями о членовредительстве после пребывания в безжалостно освещенной примерочной кабинке?

Случалось ли, чтобы во время примерки, натянув до половины платье мини без молнии, она застревала в нем и была вынуждена просить о помощи продавщицу?

Или чтобы когда-нибудь после секса по пути в туалет она повязывала на бедра покрывало?

Знает ли она, что значит провестись целый вечер с втянутым животом? Как унизила себя чувствуешь, когда, забывшись на момент, ласковая и голая, склоняешься над любимым, а маленькие груди при этом скорбно свисают вниз, будто пустые пакетики от соков *Sunkist*?

56 кг! Я знаю точно, как бы я выглядела при 56 кг веса. Я принадлежу к тем женщинам, которые если уж начинают худеть, то в самых неподходящих местах. Грудь на нуле. Зад на нуле. Зато что ни ляжка — то целый Оливер Бирхофф, а икры такие мощные, что вполне могут прожить и без меня, каждая сама по себе.

Довольно об этом. Женственность требует силы духа! Следовало бы с гордостью носить свою жировую ткань. Надо срочно направить свои мысли в позитивное русло. Думать о чем-то приятном, дающем надежду, что примирило б меня с моим телом.

Поразмыслить. Так-так... Вот оно! Тут мне приходит на ум что-то необычайное. Увы, это тоже связано с Сашей. Он сделал мне самый чудесный комплимент, который я когда-либо слышала.

Мы лежали изнуренные и полностью раздетые под его письменным столом. Он задумчиво глядел на меня. Я в отчаянии думала, чем бы прикрыться. Вдруг он сказал: «Если бы я был таким красивым, как ты, то онанировал бы весь день напролет».

После своего провального выступления на вручении кинопремий — которое ни мне, ни рабочему классу не принесло в конечном счете никакой славы — я несколько дней чувствовала себя совершенно несчастной.

Я потратила немало времени, чтобы разобраться в случившемся. Мне было стыдно не столько за само происшествие, сколько за свою беспомощность перед этой ужасной рыжей дрянью. Стать невольной причиной как-то таклизма — одно дело. Но быть униженной и наказанной какой-то безмозглой носительницей контактных линз — это уязвило меня очень глубоко. Слишком глубоко.

К тому же еще я узнала от Йо, что в сериале о врачах на RTL Кармен играет ученицу медицинского училища Мону, которая влюбляется в главного хирурга, сплошь заросшего волосами, и тот в результате бросает больницу, жену и двух прелестных детишек, чтобы начать с Моной новую жизнь в Андалусии.

После нескольких телефонных бесед с важными телевизионными людьми Йо кроме того выведала, что фамилия Кармен — Кошловски и настоящее имя — Ута.

О ее интимной жизни Йо не сумела узнать ничего.

Ута Кошловски!

Я мечтала о мести.

Мне виделось вручение премии, во время которого Брюс Уиллис просит меня провести с ним ночь. «*You look so attractive. I want you. And I want you now*», — шепчет он мне на ухо. Разумеется, достаточно громко, чтобы Кармен, которая только что клянчила у него автограф, могла это услышать. Целый час, перед тем как уснуть, я сочиняла причудливые сценарии мести. Все они кончались тем, что Кармен оставалась без мужчины, без работы, без волос. При этом, однако, я старалась не слишком отрывать от реальности.

На следующее утро дождь лил как из ведра, было необычно холодно для этого времени года, и ничто — клянусь, совершенно ничто — не указывало на то, что этот день должен стать судьбоносным.

Крадучись, как я это делаю каждое утро, неумытая и растрепанная, в купальном халате я выбралась на лестницу, чтобы забрать газету из почтового ящика. И, как всегда по утрам, надеялась, что никого не встретит.

К сожалению, я не принадлежу к тем женщинам, которые, даже только проснувшись, все равно привлекательны. Помимо прочего это связано с тем, что по вечерам мне обычно лень снимать макияж. Кроме того, ночью мои волосы, по-видимому, делают все что угодно, только не спят. Каждый раз я бываю поражена, когда утром гляжу в зеркало. И поражена в основном неприятно. На голове громоздятся самые нелепые и дерзкие прически. Иногда я забавляюсь, глядя на это, и пробую определить, как при гадании по расплавленному свинцу, какое значение могли бы иметь эти образования из волос: «Непокорная прядь, которая выбивается из остальных плохо лежащих на затылке волос, является сегодня заключить о необычном потенциале деятельной энергии. Локон, который так некрасиво вьется над серединой лба, — знак эротического излучения и огромной сексуальной притягательности».

Но нет. Этим утром мне было не до того. Я выглядела как веревочная щетка, которой удобно выметать углы...